

В девятистах миллионах миль к юго-востоку от горы Бучжоу, в сокрытом от посторонних глаз месте, находится пещера Хоюнь — одна из тридцати шести священных обителей Мира Хунхуан.

Внутри пещеры парят в воздухе белые журавли, в воде резвятся золотистые рыбы, повсюду цветут диковинные растения, а духовная энергия сгущается в туман. Снаружи обитель озаряют багряные облака, а леса из красных кленов при каждом порыве ветра осыпаются листвой, отражающей закатное зарево.

Пещера Хоюнь прославилась благодаря великому божеству древности — предку Хунъюню. Именно здесь он был зачат и рожден: Хунъюнь был первым потоком изначального облачного ци, возникшим в момент сотворения мира. Пройдя через испытания эпох, впитав в себя сущность и духовную энергию небес и земли, после бесчисленных трансформаций он обрел облик великого мастера.

Шли века, время текло незаметно, и с тех пор, как Нюйва достигла просветления, минуло уже более полутора тысяч лет.

В пещере Хоюнь царила тишина и покой, духовная энергия мягко окутывала пространство, подобно живым облакам. Хунъюнь сидел на коврике для медитации, только что завершив уединение, длившееся почти тысячу лет. Когда он медленно открыл глаза, в них на мгновение блеснул духовный свет, но тут же погас, а на лице появилось выражение досады. Он слегка запрокинул голову и тихо вздохнул:

— Эх, почти тысяча лет в затворе... Я надеялся достичь прорыва в постижении Дао облаков и Дао ветра, но кто бы мог подумать, что прогресса почти нет.

Голос Хунъюня, пропитанный разочарованием, эхом разнесся по пустой пещере. Он коснулся груди, словно пытаясь унять смятение в душе, а в его взгляде читалась глубокая печаль:

— Нюйва уже достигла Дао, а я все еще блуждаю в потемках на пути к нему. Где же мой шанс на просветление?

В этих словах сквозила такая растерянность и тоска, что его обычно легкая и свободная фигура сейчас казалась сгорбленной под тяжестью нелегкого поиска.

Помолчав немного, Хунъюнь словно о чем-то догадался, медленно покачал головой, и налет досады сменился безмятежностью. Он пробормотал себе под нос:

— Да и ладно. Получу — значит, удача, нет — значит, судьба. Пути судьбы непостижимы и переменчивы, к чему так упорствовать?

Сказав это, он поднялся, отряхнул одежды, и к нему вернулась прежняя невозмутимость. Лишь глубоко в глазах затаилась едва уловимая надежда на просветление, которую он поспешил

спрятать в глубине души, не желая больше терзаться сомнениями.

Вдруг Хунъюнь словно что-то вспомнил: его прежде потускневшие глаза внезапно вспыхнули, точно в них отразились яркие звезды.

Он прикусил губу, причмокнул, и на лице проступило предвкушение. Смакуя грядущее, он проговорил:

— Пожалуй, сейчас самое время отправиться к другу Чжэнь Юаньцзы, чтобы обсудить с ним Дао.

При этих мыслях в его взгляде появилось оживление. В памяти всплыл необыкновенный облик Чжэнь Юаньцзы и радость их прошлых бесед.

— Кажется, плоды женьшеня как раз должны поспеть.

Пути Небесного Пути переменчивы и туманны, словно призрачные облака, а причинно-следственная связь — это невидимая сеть, чьи нити плотно опутывают каждое живое существо.

Как только Хунъюнь покинул пещеру Хоюнь, шестеренки судьбы пришли в движение, и невидимые руки начали переплетать нити кармы. Быть может, это были старые обиды, а быть может — предрешенный рок, поджидавший его впереди. Этот отлет стал предвестием печальной песни: с этого момента его свободный облик и звонкий смех навсегда исчезнут из Мира Хунхуан, оставив лишь легенды, которые спустя века будут пересказывать с грустью.

Море Бэймин — бескрайнее и таинственное пространство, круглый год окутанное льдом, снегом и густым туманом, источающее холод и одиночество. В глубине этого моря возвышался белоснежный Дворец Бэймин. Казалось, он был высечен из самого льда, излучал леденящий холод и стал неотъемлемой частью этого замерзшего мира.

С тех пор как предок Дао слился с Дао, Куньпэн пребывал в уединении, стремясь продвинуться дальше на бесконечном пути совершенствования. Но каждый раз, когда он погружался в медитацию, в его Изначальном духе невольно всплывали сцены из дворца Цзысяо.

Хунъюнь уступил свое место, из-за чего сам Куньпэн лишился шанса на святой престол, о котором так мечтал. Ему оставалось лишь беспомощно смотреть, как другие поднимаются к вершинам просветления, а бесценная Хунмэнская фиолетовая ци досталась Хунъюню.

Эти воспоминания преследовали его, как кошмар. Каждый раз, когда они всплывали, это было словно тяжелый камень, брошенный в спокойное озеро его души, вызывая бурю, мешавшую сосредоточиться. Постигание Дао ветра и воды замедлилось, казалось, он увяз в бесконечной трясине, из которой не было выхода.

После того как Ньюва достигла просветления, Куньпэн впал в неистовство и насильно заперся в затворе еще на тысячу триста лет. В его Изначальном духе расцвели гнев и алчность, словно черные тучи, закрывшие солнце. Они замутили его сознание, и вместо прогресса он начал терять свое мастерство.

Куньпэн был вынужден прекратить медитацию. Он выглядел жалко: лицо бледное, как бумага, Изначальный дух нестабилен, дыхание сбивчиво.

Подняв голову, он устремил полный ненависти и жгучей алчности взгляд на юго-восток, в сторону пещеры Хоюнь. В его глазах пылал гнев, готовый сжечь все на своем пути, а на губах запеклась кровь, придавая ему еще более свирепый вид. Скрипя зубами, он проговорил:

— Хунъюнь, похоже, пришло время свести наши счеты.

В этих словах слышалась решимость и жестокость. В Мире Хунхуан назревала буря, и Хунъюнь уже стал для него бельмом на глазу, которое необходимо вырвать.

Между пещерой Хоюнь и горой Ваншоу лежала гора Юньло. Горная цепь тянулась вдаль, окутанная пиками.

С тех пор как Куньпэн, раненый, вышел из своего затворничества, прошло около двухсот лет. Все это время, снедаемый ненавистью и горечью, он, подобно раненому зверю, притаившемуся в ожидании добычи, скрывался за горой Юньло. Он потратил несметное количество редчайших материалов, чтобы тщательно расставить вокруг горы смертоносные ловушки.

Массив Сюаньша Бэймина наполнил пространство леденящим холодом, погрузив все вокруг в тьму. Оттуда доносились пронзительные завывания, похожие на крики из ада, от которых кровь стыла в жилах.

Массив Перевернутого Неба и Земли при активации нарушал весь порядок мироздания: верх и низ менялись местами, солнце и луна гасли, пространство искривлялось. Даже могущественные существа, попав в него, теряли ориентацию и погружались в хаос.

Массив Девяти Дворцов Великого Сумеру был еще более искусным: в нем скрывались перемены девяти дворцов, где реальность переплеталась с иллюзией. Один неверный шаг — и ты оказывался в лабиринте, где каждый поворот грозил гибелью.

Куньпэн потратил столько сил не зря: он готовил ловушку для Хунъюня. Сюжет был закручен, и в горах Юньло была заложена основа для решающей битвы.

Однажды, когда небо над Миром Хунхуан было как всегда загадочным и далеким, по небосводу, словно метеор, пронеслась ослепительная радуга, направляясь к горе Юньло.

Она была яркой и великолепной, оставляя за собой длинный шлейф, и в мгновение ока достигла вершины.

В этот миг тишину разорвал громоподобный крик, заставивший содрогнуться воздух над всей горой Юньло:

— Хунъюнь, я долго тебя ждал!

В голосе Куньпэна кипела ярость — накопленная за долгие годы ненависть наконец вырвалась наружу. В этом гневе сквозило предвкушение: он наконец-то дождался свою жертву и был готов покончить с этой кармической связью.

Не успел голос Куньпэна затихнуть, как над горой Юньло произошли пугающие перемены. Массивы, которые он так тщательно подготовил, пробудились, словно огромные звери.

Лучи света устремились ввысь, переплетаясь и образуя непроницаемый барьер, преградивший путь радуге.

Затем мощь массивов разлилась вокруг, и из гор поднялся густой туман, словно занавес, скрывший все в радиусе ста миль.

В одно мгновение этот участок словно отделился от Мира Хунхуан. Снаружи больше ничего нельзя было разглядеть, воцарилась зловещая тишина, предвещавшая смертельную схватку.

Предок Хунъюнь, летевший на радуге, пребывал в радостном предвкушении встречи с Чжэнь Юаньцзы и вкуса плодов женшэня. Но внезапный гневный крик Куньпэна, подобно удару грома, поразил его Изначальный дух.

Хунъюнь подсознательно попытался ускорить полет, вливая духовную силу в радугу, чтобы прорваться сквозь преграду. Свет стал еще ярче, скорость возросла, но было уже поздно. Мощь массивов оказалась непреодолимой стеной. Поняв, что прорваться не удастся, Хунъюнь вынужден был замедлиться, и радуга постепенно угасла, явив его облик.

Лицо предка Хунъюня оставалось спокойным, а на губах даже играла легкая улыбка, словно напряженная обстановка ничуть его не смущала. Он мирно посмотрел на Куньпэна и легко произвел:

— Друг мой Куньпэн, зачем же ты ждал меня здесь?

— Если нет ничего срочного, может, отправишься со мной в обитель Учжуан к другу Чжэнь Юаньцзы? Обсудим Дао, как тебе такое предложение?

Хунъюнь продолжал улыбаться, в его словах сквозила доброжелательность, перемешанная с недоумением. Казалось, он либо вовсе не замечал неприкрытой враждебности в глазах Куньпэна, либо надеялся разрядить обстановку и продолжить свой путь к старому другу. Он и не подозревал, что Куньпэн пришел сюда с единственной целью — убить его, и что над его головой нависла смертельная опасность.

<http://bllate.org/book/18513/1779532>